

Анна Зых

Силезский университет

Институт восточнославянской филологии

ul. Żytnia 12, 41-205 Sosnowiec, Polska

Tel.: (032) 291 20 16

E-mail: azych@friko4.onet.pl

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПАРАДИГМА КАК ЕДИНИЦА КОНФРОНТАТИВНОГО АНАЛИЗА БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ (РУССКО-ПОЛЬСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ)

Статья посвящена проблеме описания словообразовательного уровня двух родственных языков с использованием в качестве единицы сопоставления словообразовательной парадигмы. Анализу подвергаются словообразовательные парадигмы польских и русских прилагательных с цветовым значением. Такой подход предоставляет возможность получить интересные данные относительно функционирования словообразовательной системы языка, а в случае конфронтации – выявить сходства и различия между сопоставляемыми языками, определить причины сходств и различий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *языкознание, сопоставительное языкознание, сопоставительное русско-польское языкознание, словообразование, комплексные единицы словообразования, словообразовательная парадигма.*

Исследование языков в сопоставительном плане помогает не только определить сходства и различия между ними, но и выявить специфику каждого. В зависимости от цели, стоящей перед исследователем, объектом сопоставления могут являться единицы разных уровней языковой системы – фонологического, морфологического, лексического или синтаксического.

Независимо от того, какой из уровней подвергается конфронтации, перед исследователем всегда встает один и тот же вопрос методологического характера – определение надежной единицы сопоставления.

Этот вопрос возникает и при сопоставительном анализе словообразовательного уровня разных языков. В рамках исследования словообразовательного уровня отдельного языка описываются способы словообразования, аффиксы, принимающие участие

в образовании слов отдельных частей речи, определенных словообразовательных типов и категорий, законы сочетаемости формантов с мотивирующими основами. В первую очередь анализируются и описываются отношения между элементами словообразовательной пары. Как замечает Е. А. Земская, построенные подобным образом исследования являются односторонними и не отражают всей сложности словообразовательной системы¹.

Известно, что одно слово может быть основой образования большого количества производных, ср., напр.: *розовый* – *розовое* (сущ.), *розовенький*, *розоватый*, *розово*, *розовик*, *розовость*, *розоветь*, *розово-белый*, *розоволикий* и т. п., и что дериваты выстраиваются в ряды, связанные отношениями последовательной мотивации², ср., напр.: *розовый* – *розоватый* – *розова-*

¹ Ср. ЗЕМСКАЯ, Е. А. О парадигматических отношениях в словообразовании. In *Русский язык, вопросы его истории и современного состояния*. Виноградские чтения I-VIII. Москва, 1978, с. 77.

² Ср. DOKULIL, M. *Teoria derywacji*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1979, n. 17; WIERZCHOWSKI J. *Semantyka językoznawcza*. Warszawa, 1980.

тость; розовый – розоветь – зарозоветь – зарозоветься и т. п. Таким образом, можно говорить о том, что единицы словообразовательного уровня вступают в два типа отношений – парадигматические и синтагматические.

Набор производных с отношениями первого типа, образованных от одной и той же словообразовательной основы и находящихся на одной ступени деривации, в современном словообразовании получил (по аналогии с флексийной парадигмой) название словообразовательной парадигмы. Набор же производных, связанных отношениями последовательной мотивации, определяется как словообразовательная цепочка. Совокупность парадигм и цепей, возникших на базе одного исходного слова, образует словообразовательное гнездо.

Термин *словообразовательная парадигма* относительно новый³. В литературе по словообразованию выделяется конкретная словообразовательная парадигма (реализация словообразовательного потенциала отдельных единиц) и типовая словообразовательная парадигма, в которой не учитываются конкретные морфемные средства выражения определенного словообразовательного значения. Это абстрактная матрица, которую можно заполнять конкретным лексическим материалом⁴.

Исследователи неоднократно подчеркивали, что слова одной и той же части речи становятся базой образования сходных групп производных и что дериваты образуют своеобразные пропорции. Такие пропорции наблюдаются как между дериватами, входящими в состав отдельных рядов (согласно принятой в настоящем исследовании терминологии – словообразовательных цепочек),

ср., напр., *учить* – *учитель* – *учительница*, *преподавать* – *преподаватель* – *преподавательница*, *править* – *правщик* – *правщица*; *liść* – *listek* – *listkowy*; *świerk* – *świerczek* – *świerczkowy*; *kwiat* – *kwiatek* – *kwiatkowy*, *zqb* – *zqbek* – *zqbkowy*, так и между группами дериватов, которые образуются непосредственно от слов одной части речи, ср., напр., *medvěd* – *medvežonok*, *medvedica*, *medvežij*, *volk* – *volčonok*, *volčica*, *volčij*; *niedźwiedz* – *niedźwiedziątko*, *niedźwiadek*, *niedźwiedzica*, *niedźwiedziowy*, *słoń* – *sloniątko*, *slonik*, *sloniowy*, *wielbłąd* – *wielbłądziątko*, *wielbłądek*, *wielbłądzi* и т. п. По мнению М. Докулила, составление и исследование таких пропорций является важным средством познания словообразовательной системы и организации лексики, так как практически все слова (за исключением небольшого количества не мотивированных и не способных породить производные) укладываются в представленные пропорции. Исследование всех типов таких пропорций и определение степени их реализации в языке может дать представление о системе словообразования и оказаться пригодным при изучении тенденций языкового развития⁵.

Постараемся проследить, какой эффект может дать исследование конкретных и типовых словообразовательных парадигм как применительно к одному языку, так и при сопоставительном исследовании словообразовательного уровня разных языков.

Прежде чем перейти к исследованию лексического материала, определим те факторы, которые оказывают влияние на структуру парадигмы и обуславливают подбор исходных лексических единиц.

Уже поверхностный анализ словообразовательных парадигм позволяет заметить, что набор дериватов зависит от частеречной при-

³ Понятие словообразовательной парадигмы было введено в начале 70-х годов Р. С. Манучаряном. Для определения этой единицы словообразовательного уровня он употребил термин *семантико-словообразовательная парадигма*.

⁴ Ср. NAGÓRKO, A. *Zarys gramatyki polskiej ze słowotwórstwem*.. Wyd. 3 rozszerzone. Warszawa, 1998, с. 217.

⁵ Ńš. DOKULIL, сноска 2, с. 20–21.

надлежности исходных лексем. Так, среди производных, образующих глагольную парадигму, можно встретить: существительные из группы *nomina actionis* (ср., напр., *читать – чтение, стирать – стирка; pisać – pisanie, czytać – czytanie, prasować – prasowanie, nomina loci* (ср., напр., *курить – курильня, czytać – czytelnia, prać – pralnia*), *nomina instrumenti* (напр., *мыть – мойка, брить – брусва, щипать – щипцы; czytać – czytnik, prać – pralka, pisać – pisak*), *nomina subiekti* (напр., *читать – читатель, играть – игрок; czytać – czytelnik, spać – śpioch, grać – gracz*), *nomina obiecti* (напр., *подать – подачка, похлебать – похлебка, czytać – czytanka*), многочисленные глаголы, среди которых можно назвать производные с диминутивным значением, т. е. со значением ‘немного’ в отношении совершаемого действия (напр.: *плавать – поплавать, читать – почитать; spać – pospać, czytać – poczytać, biegać – pobiegać, siedzieć – posiedzieć*), лимитативным, т. е. со значением завершенности (напр.: *читать – дочитать, czytać – doczytać, siedzieć – dosiedzieć*), пердуративным, т. е. ‘ограниченность во времени’ (напр.: *сидеть – просидеть (весь день), бегать – пробегать (два часа); siedzieć – przesiedzieć (godzinę), spać – przespać (noc)*), результиативным (напр.: *спать – выспаться, spać – wyspać się*) и т. п., прилагательные со значением ‘тот, который может подвергнуться действию глагола’ (напр.: *читать – читабельный, czytać – czytelny*) и т. п. Адвербиальные дериваты входят в состав парадигмы немногих глаголов. Польские отглагольные дериваты типа *milczkiem, biegiem* в действительности являются окостеневшими флексийными формами существительных с делимитативным значением, т. е. со значением действия, длящегося небольшой отрезок времени⁶. В русском языке отглагольные наречия с суф-

фиксом *-мя* (типа *лежамя, дрожмя*) проявляют некоторую продуктивность, в то время как дериваты с суффиксом *-ом/-ком* и некоторыми другими признаются в настоящее время непродуктивными⁷.

По-другому представлены адъективные парадигмы. Среди входящих в их состав дериватов имеются прилагательные, существительные, глаголы и регулярно образующиеся от прилагательных наречия.

Несмотря на то, что прилагательные могут входить в состав и глагольных, и адъективных парадигм, их семантические свойства в границах разных парадигм тождественными не являются. Так, градуальные и экспрессивные прилагательные выделяются только в адъективной парадигме. Существительные могут также входить в состав глагольных и адъективных парадигм, но существительные со значением производителя действия входят только в состав глагольной парадигмы. Различий в составах глагольных и адъективных парадигм намного больше, но их подробное описание требует более тщательного изучения и не является предметом настоящей статьи.

Следующим фактором, оказывающим влияние на состав словообразовательной парадигмы, является принадлежность исходного слова к определенному лексико-семантическому классу. На это обращает внимание А. Нагурко, которая, анализируя парадигму слов разных частей речи, замечает, что, например, словообразовательный потенциал существительного зависит от его принадлежности к лексико-семантической группе. Только от конкретных существительных образуются производные субстантивы со значением уменьшительности, увеличительности или собирательности, а существительные, называющие родственные отношения (ср.: *brat – bratowa, bratanica, bratanek*), как правило, мотивируются только существительными со значением лица⁸.

⁶ Ср. *Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia*. Warszawa, 1984, с. 457

⁷ Ср. *Русская грамматика*. Москва, 1982, т. 1, с. 400–401.

⁸ NAGÓRKO, сноска 4, с. 120.

Перечисленные факторы учитываются в ходе предпринятого анализа, объектом которого являются словообразовательные парадигмы польских и русских прилагательных, определяющих так называемые основные цвета, а именно: *biały, czarny, szary, niebieski, błękitny, fioletowy, czerwony, zielony, żółty, różowy, brązowy*; белый, черный, серый, синий, голубой, фиолетовый, красный, зеленый, желтый, розовый, коричневый.

От большинства этих прилагательных, принимаемых за исходные, в обоих сопоставляемых языках образуются производные – прилагательные, существительные, наречия и глаголы, которые внутри парадигмы укладываются в блоки, в состав которых входят дериваты, принадлежащие к одной и той же части речи. Исключением являются парадигмы, образующиеся на базе русских прилагательных *фиолетовый* и *коричневый*. В состав парадигмы прилагательного *фиолетовый* не входят существительные и глаголы, а среди дериватов, мотивированных прилагательным *коричневый*, нет наречий. В этом отношении парадигмы польских прилагательных являются более регулярными. Постараемся проследить, к каким словообразовательным категориям принадлежат дериваты, входящие в состав конкретных польских и русских парадигм, образующихся от прилагательных со значением цвета.

Адъективные дериваты – это, в первую очередь, суффиксальные (напр.: *szary – szareńki, szarawy; serpy – serenykij, serowaty*) и немногочисленные префиксальные образования (напр.: *fioletowy – nadfioletowy; фиолетовый – ультрафиолетовый*) с модификационным значением интенсивности признака (напр.: *biały – białutki / bielutki, bielusięki, czarny – czarniutki, czarniu-*

sięki, белый – белехонек, белешенек, зеленый – зеленущий; biały – białawy, czarny – czarniawy / czerniawy, белый – беловатый, белесый, черный – чернявый.). В семантике польских дериватов типа *białutki, bieluski* значение большой интенсивности признака сочетается с выражением эмоциональности. В словарях современного польского языка такие дериваты отмечаются как уменьшительные. Диминутивами признаются также русские прилагательные типа *беленький, черненький, серенький* и т. п. Это позволяет выделить в группе отадъективных прилагательных помимо дериватов со значением интенсивности и ослабления признака также эмоциональные прилагательные с диминутивным значением.

Среди адвербиальных дериватов в обоих языках мы находим качественные наречия с формантами *-o, -e* (ср., напр., *czarny – czarno, zielony – zielono, błękitny – błękitno, błękitnie, белый – бело, синий – сине*) и префиксально-суффиксальные образования типа польских: *na biało, na czarno* и русских: *добела, набело, дочерна, исчерна-, начерно*. Дериваты последней группы характерны прежде всего для русского языка, в котором от прилагательных описываемой группы они образуются с помощью формантов: *do- + -a, из-//ис- + -a, на- + -o*. Польские наречия с формантом *na- + -o* и русские с формантами *na- + -o, do- + -a* используются для выражения определительных отношений в сочетаниях с глаголами, называющими возникновение признака в объекте или его проявление. Русские наречия с формантом *из-//ис- + -a* передают значение оттенка цвета, названного мотивирующим словом, обычно сопровождающего другой цвет (ср., напр., *иссиня-черный*). В русском языке этот тип производных отмечен только в парадигме прилагательных с цветовым значением⁹.

⁹ В современном польском языке аналогично образованные наречия не мотивируются прилагательными со значением цвета. Наречия, такие, напр., как *czzerwona (blyskające z czerwona kamyki / Roźdz H2v 21), z biala (bo się urodzi z biala rumiano RejZwierc I 44, 11)* и т. п. считаются теперь устаревшими. Приведенные примеры взяты из монографии В. Цирана, см. CYRAN, W. *Przysłówki polskie. Budowa słowotwórcza*. Łódź, 1967, с. 153.

Среди производных существительных, непосредственно мотивированных исходными прилагательными, в обоих сопоставляемых языках выступают дериваты со значением личностного / неличностного носителя признака (ср., напр., *czarnuch* разг. 'темнокожий и темноволосый мужчина', *czerniec* 'монах в православной церкви'; *białanka* 'белокурая и белолицая женщина, девушка', *beleц* устар. 'человек, живущий в монастыре, не постриженный (еще не чернец)'; *białko* 'белая часть яйца' *żółtko* 'желтая часть яйца', *białocіc*, *zieloność*, *czerni*, *fiolet*, *czervenіeń*; *белизна*, *чернота*, *краснота*, *зелень*). В особую группу производных, входящих в состав исследуемых парадигм, как представляется, следует отнести существительные, называющие болезни (напр.: *białaczka*, *bielnica*, *bielik*, *czernica*, *czerniaczka*, *czervenka*, *czervenica*, *żółtaczkа*, *sinica*; *краснуха*, *желтуха*).

В состав парадигмы русских прилагательных, помимо существительных типа *зелень*, *белизна*, входят также абстрактные существительные со значением слабой интенсивности признака с суффиксом *-ина* (напр. *красина*) и префиксально-суффиксальные образования, такие, как *пробель*, *прозелень*, *просинь*. Отсутствие в польском языке дериватов последнего типа составляет одно из структурно-семантических различий польского и русского языков.

Отдъективные глаголы – немногочисленны. В обоих сопоставляемых языках – это, в первую очередь, дериваты со значением каузативности (ср., напр., *bielić*, *czernić*, *zielenić*; *белить*, *чернить*, *краснить*), инхоативности (ср., напр., *bieleć*, *czervenieć*, *czernieć*, *zielenieć*, *belеть*, *чернеть*, *краснеть*) и проявления признака (ср., напр., *bieleć*, *czernieć*, *belеться*, *чернеться*).

Исследование представленных парадигм позволяет выделить словообразовательные категории, в которые укладываются дерива-

ты, входящие в состав отдельных парадигм, а в случае конфронтативного изучения языков также выявить сходства и различия в их наборе (ср., напр., отсутствие в современном польском языке отдъективных наречий первой ступени деривации с модификационным значением типа русских *избела*, *иссия* или абстрактных существительных со значением слабой интенсивности признака типа *красина*, *пробель*), определить состав словообразовательных типов и назвать основные форманты, принимающие участие в их образовании.

Сопоставление парадигм, которые образуются от прилагательных с цветовым значением, позволяет увидеть различия в составе дериватов, входящих в состав отдельных категорий. Например, не от всех исходных прилагательных образуются глаголы (ср., напр., отсутствие вербальных дериватов с каузативным значением от русских прилагательных *фиолетовый*, *розовый*; в состав парадигмы польских прилагательных *brązowy*, *niebieski*, *fioletowy* и русского прилагательного *коричневый* не входят существительные со значением носителя признака и т. п.). Эти и другие различия в наборе дериватов, входящих в состав конкретных парадигм, не всегда обусловлены системными ограничениями. Иногда их отсутствие вызвано внелингвистическими факторами – отсутствием потребности в деривате. Это носители языка – как замечает А. Нагурко – определяют, какие возможности языковой системы будут ими использованы¹⁰. Если у носителей языка появляется необходимость образовать дериват с определенным значением (при отсутствии препятствий со стороны языковой системы), он может возникнуть, как, напр., неологизмы типа *краснеть* < *красный* или *коричневость* < *коричневый*. Существительное *коричневость* не называется, правда, цветового признака (ср. *коричневость* 'политические взгляды, близкие к фашистской идеологии': *Коммунисты практически провалились, если сегодня*

¹⁰ NAGÓRKO, сноска 4, с. 221

провалятся и левые, то на смену им скорее всего придут не коммунисты, а некие носители идеи национальной консолидации во всех республиках... Называть ли это "коричневостью"? Я не знаю, но развитие каких-то разновидностей национализма очень возможно¹¹), однако свидетельствует об отсутствии препятствий системного характера в образовании дериватов с абстрактным значением от прилагательного *коричневый*. Таким образом, исследование и сопоставление парадигм способствует также выявлению потенциальной лексики.

Сравнение парадигм, образующихся от слов одной части речи и одной лексико-семантической группы, позволяет заметить, что между ними наблюдается большее сходство в наборе словообразовательных значений, чем в конкретном наборе производных с одним и тем же аффиксом. Это вызвано тем, что одно и то же словообразовательное значение нередко выражается в языке с помощью разных формальных средств (ср., напр., русские аффиксы, которые участвуют в образовании существительных, называющих лиц женского пола: *кондуктор* – *кондукторша*, *грузин* – *грузинка*, *принц* – *принцесса*, *врач* – *врачиха* и т. п.). Можно, следовательно, говорить об асимметрии между означаемым и означающим, которая проявляется в возможности выражения одного словообразовательного значения при помощи разных словообразовательных средств¹². С разнообразием аффиксов, служащих для выражения одного и того же словообразовательного значения, мы встречаемся также в случае интересующих нас парадигм, напр., в русском языке для образования существительных с абстрактным значением могут использоваться суффиксы: *-ота* (*краснота*, *чернота*), *-изна* (*белизна*, *желтизна*), *-изина* (*чернизна*), *-овина* (*черновина*), *-ева* (*синева*), *-ость* (*белость*, *розовость*) и нулевой суффикс (ср., напр.,

бель, *синь*, *зелень*). В современном польском языке то же значение выражается с помощью формантов: *-ość* (*białość*, *zieloność*, *czernoność*, *różwność*), *-izna* / *-yzna* (*szarzyzna*, *różwizna*) и нулевой суффикса (*biel*, *czerni*, *zieleń*, *fiolet* и т. п.). Как видим, в образовании отадективных существительных с абстрактным значением могут принимать участие синонимические форманты, такие, например, как польские *-ość*, *-o* или русские *-ота*, *-o*; *-ева*, *-o*; *-изна*, *-o*.

В случае разнообразия формантов, при помощи которых образуются лексически нетождественные слова, входящие в состав определенной словообразовательной категории, такое сопоставление способствует выявлению тех формальных средств, которые наиболее регулярно используются для образования слов данной группы в каждом из сопоставляемых языков. Например, сравнение польских и русских парадигм, мотивированных прилагательными со значением цвета, позволило выделить в обоих сопоставляемых языках многочисленную группу формантов, участвующих в образовании существительных со значением носителя признака (ср., напр., польск.: *-aczka*, *-ek*, *-k(a)*, *-k(o)*, *-as*, *-ec*, *-osz*, *-ak*, *-izna*, *-ica* / *-nica*, *-ik*, *-m(o)*; русск.: *-ец*, *-ик* / *-ник*, *-ика*, *ина*, *-k(a)*, *-ок* и т. п.). С помощью одних формантов образуются многочисленные производные (ср., напр., польск. суф. *-ak*: *bielak*, *czernonak*, *czerniak*, *szarak*, *żółtak* или русск. *-ец*: *синец*, *чернец*, *белец*, *зеленец*), с помощью других образуются единичные дериваты (ср., напр., польск. *-ot(a)*: *szarota*, *-as*: *bielas*, *-uch*: *czarnuch*; русск. *-м(o)*: *бельмо* и т. п.). Среди перечисленных аффиксов можно встретить такие, которые типичны только для одного из сопоставляемых языков (напр., русск. *-чук*), и такие, которые характеризуются формальным тождеством (ср., напр., польск. и русск. суффиксы: *-ak* – *-ак*, *-ec* – *-ец*, *-ik* – *-ик* / *-ник* и т. п.). Исследование парадигм, таким обра-

¹¹ Толковый словарь русского языка конца XX в.: Языковые изменения. Санкт-Петербург, 1998, с. 334.

¹² См. об этом: *Современный русский язык*. Москва, 1981, с. 223.

зом, дает возможность сопоставления словообразовательной активности формантов, их продуктивности в образовании дериватов отдельных категорий и выделения тех, которые характерны только для одного из языков (напр., названия болезней в русском языке образуются от прилагательных с цветowym значением с помощью суффикса *-уха*, ср., напр.: *желтуха, краснуха, синюха*, а в польском языке посредством суффиксов: *-k(a)*, *-aczka*, *-ica* (ср.: *czerwonka, żółtaczkа, białaczka, czerniaczka czerwienica, bielnica, czernica*).

Анализ парадигм позволяет также выделить омонимичные форманты, такие, напр., как польск. суффиксы *-k(o)* или русск. *-ок*: польск. *białko I*, русск. *белок I* ('органическое вещество'), польск. *białko II*, русск. *белок II* ('предмет, характеризующийся белым цветом').

До сих пор речь шла о конкретных словообразовательных парадигмах, исследование которых позволяет определить так называемую типовую словообразовательную парадигму, в которой мы абстрагируемся от определенных морфологических средств выражения словообразовательного значения. Типовая словообразовательная парадигма определяется набором деривационных значений, которые реализуются в дериватах, мотивированных исходными лексическими единицами. Они характеризуются принадлежностью к одной части речи и одной лексико-семантической группе. Такая парадигма образуется с учетом всех семантических мест в составе конкретной парадигмы.

Можно предположить, что в состав типовой парадигмы прилагательных со значением цвета в обоих сопоставляемых языках входят:

А. Модификационные прилагательные:

- а) со значением большой интенсивности признака;

- б) со значением слабой интенсивности признака;
- в) с эмоциональным значением.

Б. Существительные:

- а) с абстрактным значением;
- б) со значением лица – носителя признака;
- в) со значением предмета – носителя признака;
- г) со значением болезни.

В. Качественные наречия.

Г. Глаголы:

- а) со значением каузативности;
- б) со значением инхоативности;
- в) со значением состояния.

Подробный анализ позволяет также заметить некоторые различия в составе русской и польской парадигм, наречных дериватов в частности. Как представляется, в состав русской парадигмы в качестве отдельных компонентов следовало бы включить образующие только от прилагательных со значением цвета, употребляющиеся совместно с ними и называющие цветные оттенки наречия типа *избела, искрасна, исчерна*, а также наречия, указывающие на доведенность объекта до признака, названного мотивирующим словом (типа *добела, дочерна, докрасна*)¹³.

Следующим различием, которое следует отметить, является отсутствие в парадигме польских прилагательных абстрактных существительных со значением неполноты признака, типа русских *краснина, краснинка, желтинка, рыжинка* и т. п.

Состав польских и русских парадигм прилагательных со значением цвета можно представить в таблице (см. стр. 168).

Проведенный анализ позволяет заметить, что исследование словообразовательных парадигм дает возможность получить интересные данные относительно функционирования словообразовательной системы

¹³ В современном польском языке встречаются, правда, отадективные наречия, образованные с помощью префикса *do-* и суффикса *-a* (ср., напр., *do naga*), но они отсутствуют в парадигмах прилагательных со значением цвета.

Часть речи деривата	Категориальное значение	Польская парадигма	Русская парадигма
įščėąąąąėūķtā	большая интенсивность признака (intensiwa)	+	+
	слабая интенсивность признака	+	+
	эмоциональное значение	+	+
póláńńpáčńėūķtā	абстрактное		
	– указывающее на наличие признака, названного мотивирующей основой	+	+
	– указывающее на неполноту признака	—	+
	со значением лица – носителя признака	+	+
	со значением предмета (одушевленного / неодушевленного) – носителя признака	+	+
ķąšā+čā	указывающее на признак, названный мотивирующим прилагательным	+	+
	указывающее на слабую интенсивность признака, названного мотивирующим прилагательным	—	+
	указывающее на доведение объекта до признака (полного)	—	+
čėąčtė	со значением каузативности	+	+
	со значением инхоативности	+	+
	со значением состояния	+	+

языка, а в случае конфронтативного анализа – выявить сходства и различия между сопоставляемыми языками. Исследование конкретных парадигм способствует выявлению формантов и словообразовательных категорий, характерных для каждого из языков, определению активности отдельных словообразовательных типов в каждом из языков, а также выявлению омонимичных и синонимичных словообразовательных средств.

Исследование типовых словообразовательных парадигм, в которых не учитываются единичные явления, способствует выявлению системных сходств и различий между языками. Такой анализ обладает прогно-

зирующей силой, так как позволяет сделать выводы относительно того, какие группы дериватов, не отмеченные словарями и поэтому чаще всего остающиеся вне поля зрения в ходе исследования конкретных парадигм, потенциально в языке существуют. Как представляется, сопоставительное изучение словообразовательного уровня, опирающееся в качестве единицы конфронтативного анализа на словообразовательную парадигму, позволит дать ответ на вопрос, каким образом функционирует словообразовательная система, что в языке называется и какие узлы сложной сетки понятий могут быть словообразовательно выражены.

Anna Zych

Silesian University

WORD-FORMATION PARADIGM AS A
UNIT OF THE CONFRONTATIVE
ANALYSIS OF CLOSE-RELATED
LANGUAGES (RUSSIAN-POLISH
CORRESPONDENCES)

Summary

The article is devoted to the problem of describing word-formation level of two related languages using the so called word-formation paradigm as a unit of comparison. The analysis is directed to the word-formation paradigms of Polish and Russian adjectives implying colour. First, such an approach gives an opportunity to obtain interesting data concerning the functioning of the word-formation system of a language, second, in the case of confrontation, to reveal similarities and differences between the compared languages, third, to define the basis of similarities and differences.

KEY WORDS: linguistics, comparative linguistics, comparative Russian-Polish linguistics, word-formation, complex word-formation units, word-formation paradigm.

Ana Zych

Silezijos universitetas

ŽODŽIŲ DARYBOS PARADIGMA KAIP
GIMININGŲ KALBŲ
KONFRONTATYVINĖS ANALIZĖS
VIENETAS
(RUSŲ – LENKŲ KALBŲ PARALELĖS)

Santrauka

Straipsnis skirtas problemai, kaip aprašyti dviejų giminingų kalbų žodžių darybos lygmenį gretinimo vienetu naudojant žodžių darybos paradigmą. Analizuojamos lenkų ir rusų kalbų spalvas reiškiančių būdvardžių paradigmos. Toks metodas teikia daug galimybių gauti įdomių duomenų apie kalbos žodžių darybos sistemos funkcionavimą, o konfrontacijos atveju – išryškinti lyginamų kalbų panašumus ir skirtumus, nustatyti jų priežastis.

REIKŠMINIAI ŽODŽIAI: kalbotyra, lyginamoji kalbotyra, lyginamoji rusų – lenkų kalbotyra, žodžių daryba, sudėtiniai žodžių darybos vienetai, žodžių darybos paradigma.

Gauta 2002-09-16
Spaudai įteikta 2003-09-17